

«СЕРЖАНТ»

РАССКАЗ

АБДЕЛЬХАМИД БЕНЖИН

Алжир

ОДНАЖДЫ к нам в редакцию явился осел и, явно подражая знаменитому ослику графини де Сегюр¹, объявил, что готов предоставить нашей газете «исключительное право» на печатание своих мемуаров. Кое-кто из очевидцев подтвердил, а кое-кто (если верить ослу) вот-вот подтвердит полную достоверность изложенных им фактов. И все же, прежде чем опубликовать эти мемуары, мы вынуждены предупредить читателя, что их автор, к большому нашему сожалению, не только стар, жирен и уродлив, но и довольно таки бестолков.

«Разве все эти качества присущи только ослам?» — возразят мне. Один из моих сослуживцев (с полного согласия своей жены) тут же заявил, что ему случалось знать некоторых особ, не принадлежащих к ослиной породе, и тем не менее старых, жирных, уродливых и совершенно тупых.

Я не собираюсь полемизировать с моим язвительным коллегой. Добавлю только, что наш герой не отличался столь невинным нравом, как вышеупомянутый ослик мадам де Сегюр, и порой доставлял неприятности своему хозяину, крестьянину из Мокорно, но, несмотря на это, они обожали друг друга. Для вящей справедливости добавим еще, что наш осел, хоть и был жирен и любил поесть, работал от этого не хуже, а лучше многих

бюрократов, у которых, может, ума и больше, да зато совести меньше.

Но пора предоставить слово нашему герою. Пусть он сам поведаст о своих удивительных приключениях.

«Я родился, — гласят его каракули, — от ослицы и осла, а может быть, даже мула. Впрочем, будь то хоть мул, я не вижу особых причин гордиться, ибо мудрецы нашего племени утверждают, что в осле ценится не происхождение, а личные качества. Но я не собираюсь, подобно иным мемуаристам, вариться в собственном соку и пичкать читателя бесконечными «я» да «я», а потому о моем детстве и отрочестве вы ничего не узнаете.

С самого нежного возраста я был приучен к тяжелому, но полезному труду. Я получил прекрасное воспитание: меня научили быть послушным и терпеливым. Я никогда не выворачивал себе челюсти жевательной резинкой и был безукоризненно вежлив с юными ослицами. (Впрочем, даже самые свободомыслящие из них никогда не давали повода для иного обращения.) Итак, выражаясь в стиле наших поэтов, юность моя текла, подобно светлым водам ручья, питаемого зимними ливнями. Увы! Из-за этих ливней вдруг получилось такое наводнение, что меня чуть было совсем не унесло за пределы этого мира...

Я выражаюсь символами, а они подчас трудноваты для людских мозгов, поэтому, повествуя о важнейших событиях моей жизни, я постараюсь перейти на более примитивный, то есть доступный людям, язык.

¹ Графиня С. де Сегюр (1799—1874) — плодовитая и довольно широко известная в свое время французская писательница. Здесь автор имеет в виду ее книгу «Записки осла».

В то памятное для меня время в деревне нашей стало появляться все больше и больше иностранцев. Хозяин называл их «франси». У них были голубые глаза, маленькие и злые. Они носили какие-то грохочущие трубы, откуда вырывались молнии, и так меня оглядывали, словно я был бог знает каким чудищем. Взбеситься можно было от злости, но я сдерживался, говоря себе, что «голубоглазые», должны быть, полные невежды, несмотря на все их чванство.

Однажды жарким летним днем «франси» пришли в нашу деревню. Они сожгли все дома, избили до полусмерти и увели куда-то моего хозяина и всю его родню, а меня отвязали и потащили за собой, навьючив мне на спину что-то ужасно тяжелое, придавившее меня, словно гора. Я был удручен жестокостью судьбы и всей душой страдал за хозяина.

Только на исходе дня добрались мы до лагеря «голубоглазых». Там меня привязали, даже не подумав освободить от поклажи и накормить. Так я простоял целую ночь, сгорая от ненависти и обдумывая планы мщения. Все у меня ныло — и тело и душа. Не давали покоя мысли о хозяине. Что с ним стало? А я? Долго ли мне суждено оставаться в рабстве у этих чужаков? Предаваясь этим печальным раздумьям, я между тем потихоньку дергал веревку, которой был привязан. И вдруг, к моему изумлению и радости, веревка подалась. Я снова был вольным как птица.

Рассвет еще не наступил, вокруг тихо-тихо. Быстро сориентировавшись по звездам, я направляюсь трусцой в ту сторону, где лежит наша деревня. Вскоре, несмотря на страшную тяжесть, которая по-прежнему давит мне на спину, я перехожу на галоп. И вот уже я начинаю узнавать родные места. Солнце восходит, наступает утро. Боже мой, как я голоден, как устал! Но ничего — деревня уже близко, хозяин покормит меня на славу. Какая все-таки странная штука жизнь! И у людей она, кажется, посложней, чем у ослів.

Я был целиком поглощен этими философскими размышлениями, и вдруг... Дорогу мне преградил отряд человек в тридцать. У них у всех тоже были трубки с молнией. «Конец! — решил я. — Это опять проклятые «франси». Но тут я заметил, что глаза у этих людей вовсе не голубые, а черные, и говорят они точно так, как мой хозяин. Это несколько уняло мою тревогу, и я подпустил их совсем близко. Меня окружили, взяли под уздцы. Тут я почему-то совершенно успокоился. Но тогда вдруг заволновались они. Выкрикивают что-то, в мгновение ока сгружают с меня мою тяжкую ношу. Вот уж когда я совсем ожил и готов был запорхать как пташка, тем более, что совсем рядом зеленела лужайка со свежей и, должно быть, превкусной травой.

Но люди с черными глазами не отпускают меня. Они толпятся вокруг и каждый норовит погладить меня, потрепать по шее. Потряхивая последовала сцена, хоть и волнующая, но мне, при всей моей смекалке, совершенно непонятная. Один из «черноглазых» говорил, указывая пальцем в мою сторону, а другие молчали. Это меня смутило и обеспокоило. Но вот речь закончилась и все снова заволновались, а потом, окружив меня, торжественно проводили до той самой зеленой лужайки и пожелали мне приятного аппетита.

Надеюсь, я не так глуп, как другие ослы, но в этой истории я до сих пор ничего не могу понять».

К мемуарам приложено письмо офицера Армии национального освобождения Алжира, которое проливает свет на историю, приключившуюся с осликом.

«Весной этого года, — говорится в письме, — когда наш взвод находился в горах, недалеко от деревни Ламаш, солдаты заметили старого, толстого, уродливого осла, направлявшегося к вышеназванной деревне. Увидев нас, осел остановился. Он, очевидно, был голоден и устал. Мы подошли к нему и, к величайшему нашему изумлению, обнаружили, что на него навьючен новенький миномет французского образца, а также несколько десятков мин. В трудные для нас времена такая находка представляла необычайную ценность: войска колонизаторов наступали, а мы испытывали крайнюю нужду в оружии и боеприпасах. Славный ослик пришелся так кстати со своей поклажей, о важности которой он и не подозревал, что мы единогласно решили в знак благодарности произвести его в чин сержанта. После этого мы зачислили его в состав взвода и поручили ему ответственную задачу — перевозить миномет».

В конце письма командир взвода распространялся о многочисленных заслугах «сержанта», который «вот уже пять месяцев участвует в боевых операциях и своей храбростью заслужил уважение всех наших бойцов».

Перевела с французского
Галина Джугашвили

АЛЖИРСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ

Спросили мула: «Кто твой отец?»
Он ответил: «Конь — мой дядя».

*

Ученый без трудов — туча без дождя.